

Труды русских ученых за-границей. Сборникъ Академической Группы въ Берлинѣ подъ редакціей А. И. Каминка. Томъ I. 1922. Книгоиздательство «Слово». Берлинъ.

Русскіе ученые за-границею издали въ Берлинѣ первый томъ своихъ трудовъ. Юристы, историки, социологи, медики, геологи и математики опубликовали въ этомъ сборникѣ рядъ изслѣдованій, надъ которыми они работали на чужбинѣ. Подобно своимъ коллегамъ, живущимъ въ невыносимыхъ условіяхъ большевистскаго режима на родинѣ, они въ изгнаніи не покладаютъ рукъ на нивѣ научныхъ изысканій. «На разныхъ позиціяхъ — сказано въ предисловіи къ сборнику — они всё дѣлаютъ одно великое дѣло охраны тѣхъ культурныхъ благъ, которыя Россія пріобрѣла столѣтіями упорной работы великаго народа, который съумѣетъ и на этотъ разъ выйти изъ годинъ тяжелыхъ испытаній и вновь вернуть себѣ былое величіе.» Идейная энергія нашихъ ученыхъ должна быть отмѣчена съ уваженіемъ и признательностью.

Въ сборникѣ помѣщены троякаго рода статьи. Къ первой категоріи относятся статьи социальна-политическаго содержанія, въ известномъ смыслѣ общедоступныя. Во вторую категорію входятъ работы по общественно-нравственной боѣ спеціального характера. Третью категорію составляютъ изслѣдованія, относящіяся къ области точнаго знанія и естественно-научныхъ дисциплинъ.

Среди работъ первой категоріи должны быть отмѣчены статьи прив.-доцента Г. Д. Гурвича, Идеи неотъемлемыхъ правъ лица въ политической доктринѣ 17—18 вѣковъ, Н. Леона, Проблема правового государства въ освѣщеніи анархизма Михаила Бакунина, и проф. П. Новгородцева, Спорные вопросы въ истолкованіи политической теоріи марксизма. Темы всѣхъ этихъ трехъ статей входятъ въ содержаніе великой проблемы демократіи и социализма, а именно антиноміи свободы и солидарности. Не случайно, быть можетъ, эта близость темъ въ переживаемый нами моментъ небывалаго кризиса и демократіи, и социализма.

Статья Г. Д. Гурвича посвящена вопросу о генезисѣ познанія — правильной границы между правами государства и правами личности. Авторъ подвергаетъ критическому разсмотрѣнію традиціонный нѣмецкій взглядъ о связи идеи неотъемлемыхъ правъ личности съ протестантизмомъ, традиціонный французскій взглядъ о происхожденіи этой идеи изъ французской просвѣтительной философіи XVIII вѣка и, наконецъ, возрѣніе Максима Ковалевскаго и Г. Юе-линека объ англійскихъ индепендентахъ XVII вѣка, какъ о родоначальникахъ идеи неотъемлемыхъ правъ личности. Авторъ полага-

сть, что истина лежитъ посредниѣ враждующихъ взглядовъ. Ни свободололюбивыя ученія англійскихъ индепендентовъ, ни механической атомизмъ теоретиковъ естественнаго права XVII вѣка въ отдѣльности не въ состояннн были породить идею неотъемлемыхъ правъ лица. Встрѣча обоихъ этихъ токовъ произошла въ политической доктринѣ Локка. Изъ сочетанія рационалистическаго атомизма, религиозныхъ воззрѣній индепендентовъ и сенсуализма въ доктринѣ Локка родилась идея неприкосновенныхъ правъ. Но конструкция Локка страдала сочетаніемъ явно противорѣчивыхъ элементовъ. И только въ доктринѣ Жанъ-Жака Руссо, возродившаго естественное право на новыхъ основаніяхъ, развитіе идеи неотъемлемыхъ правъ лица получаетъ свое первое завершеніе. Руссо установилъ органическую связь между идеею неотъемлемыхъ правъ лица и нравственнымъ идеализмомъ. Кантъ и Фихте были въ этомъ вопросѣ его продолжателями. Таково заключеніе Г. Д. Гурвича.

Соображенія, развиваемыя Г. Д. Гурвичемъ, достойны серьезнаго вниманія. Но не игнорируетъ ли онъ, подобно другимъ исследователямъ, значеніе древней традиціи въ происхожденіи интересующей насъ идеи? Идея демократіи заключаетъ въ себѣ два принципа—начало суверенитета народа и начало неотъемлемыхъ правъ личности. Традиціи античной демократіи никогда не исчезали вполнѣ съ горизонта политической идеологии, даже въ самыя мрачныя эпохи истории, и ошлодотворяли, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, политическую мысль, особенно въ станѣ жертвъ преслѣдованія, обычно воспримчивыхъ не только къ усвоенію освободительныхъ стремленій, но и къ возвышенію и обобщенію своихъ частныхъ освободительныхъ программъ въ болѣе широкіе идеалы эмансипаціи. Подобнымъ же образомъ генеалогическія нити соединяютъ социализмъ новаго времени, черезъ доктрины Бабефа, Морелли, Кампанеллы и Томаса Моора, съ идеальной республикою Платона и съ античнымъ коммунизмомъ. Съ другой стороны, въ отношеніи признанія такихъ правъ личности, какъ свобода религіи и свобода совѣсти, слѣдуетъ отмѣтить, что еще въ древности религиозныя преслѣдованія, напр. преслѣдованія христіанъ, вызывали у преслѣдуемыхъ протестъ въ видѣ формулировки требованія для всѣхъ свободы культа и признанія религіи — своего рода *Privatsache*. Тертуллианъ возставалъ въ защиту свободы религіи, а св. Аванасій, основатель догмы католицизма, называлъ религиозныя преслѣдованія «дьявольскимъ изобрѣтеніемъ». Съ тѣхъ поръ какъ, послѣ паденія Арзанидовъ, религія Зороастра стала официальнымъ культомъ Персіи, при всей нетерпимости «маговъ», насильственные обращенія христіанъ въ господствующую вѣру не допускались, ибо, какъ свидѣтельствуетъ армянскій историкъ Элише, персы полагали, что служеніе богамъ, чуждое искренности, вызы-

васть их гнѣвъ. Договоры, заключавшіеся послѣ войны между царствомъ Сассанидовъ и Восточною Римскою Имперіею, часто огоняривали право свободы религіи и культа для христіанъ въ Персіи и для послѣдователей религіи Зороастра въ Римской имперіи. Еще до Реформаціи, когда католическая церковь веѣми силами сопротивлялась посягательствамъ свѣтской власти на ея привилегіи, католики апеллировали противъ политики князей къ принципу «свободы», подобно тому какъ въ наше время ту же «свободу» призывали германскіе католики во время «Kulturkampf'a», воздвигнутаго Бисмаркомъ, и французскія католическія конгрегаціи въ періодъ преслѣдованія ихъ министерствомъ Комба. Отсюда видно, какъ односторонне было бы освѣщать преемственность идей — напр въ вопросѣ о возникновеніи доктрины неотъемлемыхъ правъ личности — упрощенными схемами.

И. Леоппъ изучаетъ въ своей статьѣ антиномію анархическаго индивидуализма, который «отрицаетъ цѣнность общительной природы личности и мыслить будущее общество въ текущемъ и произвольномъ соединеніи всего и «всѣхъ», и социализма, поскольку онъ «отрицаетъ цѣнность индивидуалистическихъ стремленій въ личности, требуетъ ихъ вытравленія какой бы то ни было цѣной, и общааетъ разрѣшеніе всѣхъ затрудненій въ механическомъ соединеніи родовыхъ личностей въ общество». Антиномія эта изучается авторомъ на міросозерцаніи М. Бакунина. Въ корнѣ этого міросозерцанія лежитъ противоположеніе общества государству. Съ точки зрѣнія Бакунина, не къ освобожденію отъ общества, а къ нравственной оцѣнкѣ общественныхъ связей стремится лучшими своими традиціями индивидуализмъ. Слѣдуя честному человѣческому эгоизму, личность, работая на себя, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ работать и на всѣхъ. Бакунинъ вѣритъ въ коллективное дѣйствіе массы. Другое дѣло — государство, которое, по воззрѣнію Бакунина, хотя и представляется замаскированной фикціею коллективнаго интереса или коллективной воли и свободы, но въ дѣйствительности является органомъ служенія интересу привилегированныхъ классовъ. Всякое государство покоится на принципѣ авторитета; между нимъ и личною свободою — принципиальная несовмѣстимость. И это отрицаніе свободы — порокъ не формы, а самаго существа государства. Патріотизмъ — циничное отрицаніе чело-вѣчности.

И. Леоппъ видитъ ошибку Бакунина «въ томъ, что онъ убѣжденъ, что простое разрушеніе государственныхъ связей можетъ обезпечить торжество и гармоничный расцѣтъ всѣхъ силъ и способностей личности». Между свободою, какъ абсолютнымъ критеріемъ, и другимъ критеріемъ — равенствомъ, требующимъ принудительной нормировки, существуетъ противорѣчіе. То требо-

ваніе соціальної організації, которое Бакунінъ, предъявляетъ къ обществу — а именно, чтобы всякій человекъ, при рожденіи, нашолъ приблизительно одинаковыя средства къ развитію своихъ различныхъ способностей, ихъ примѣненію своимъ трудомъ, — врядь ли можетъ быть осуществлено въ рамкахъ анархическаго идеала Бакунина. Но тѣмъ не менѣе авторъ приписываетъ проповѣди Бакунина громадное соціальное значеніе. «Если откинуть съ противорѣчія и явно ложныя заключенія, то остается нетронутымъ ся духъ, вѣщающій о грядущемъ освобожденномъ человечествѣ. Поднимая знамя возстанія противъ всѣхъ оковъ и цѣпей, связывающихъ свободное развитіе личности, она служитъ постояннымъ напоминаніемъ тому, что слишкомъ часто *summum jus* бываетъ и *summa injuria*.»

Къ сожалѣнію, въ задачу Н. Леона не входило изученіе генезиса доктрины Бакунина, которую онъ развилъ съ присущею ему страстью и темпераментомъ. Безъ выясненія этого генезиса трудно уяснить себѣ вполнѣ причину недостатковъ и противорѣчій доктрины Бакунина и вообще коммунистическаго анархизма. Бакунинъ одновременно—ученикъ и Прудона, и Карла Маркса. Анархическую концепцію Бакунинъ воспринялъ у Прудона, и именно у Прудона *вопне тапіёге* (ибо онъ признавалъ и другого Прудона, Прудона *тачвайсе тапіёге*). Съ теорією «ан-архіи» Прудона Бакунинъ воспринялъ и всѣ ея противорѣчія, источникъ которыхъ заключается, какъ мы уже знаемъ, въ стремленіи совмѣстить несовмѣстимое, объединить систему абсолютной индивидуальной свободы съ системою высшей соціальной солидарности. Но въ то время какъ у Прудона постоянно эволюционировали и мѣнялись самыя противорѣчія, Бакунинъ всю жизнь оставался вѣрноп своей системѣ кристаллизованныхъ противорѣчій. У Прудона возмущеніе личности противъ государства есть скорѣе возмущеніе противъ организаціи принужденія, чѣмъ противъ организаціи классоваго господства. Но, заимствовавъ у Маркса концепцію экономическаго матеріализма и идею классового характера государства, Бакунинъ соединяетъ въ своей проповѣди критику классоваго государства съ критикою государственности вообще. Критика часто парализуется этимъ двойнымъ своимъ характеромъ и даже, благодаря послѣднему, впадаетъ въ повья противорѣчія.

Статья проф. Новгородцева представляетъ собою выдержку изъ III изданія его сочиненія «Объ общественномъ идеалѣ»^{*)}.

^{*)} Выше, въ отдѣлѣ „Культура и Жизнь“, помѣщена статья Ю. Делевскаго: „Въ поискахъ общественнаго идеала“, специально посвященная книгѣ проф. П. Новгородцева.

Мы считаемъ ошибочнымъ утверждение проф. Новгородцева, что «болѣе правы тѣ, которые ищутъ у Маркса опору для утверждения диктатуры, чѣмъ тѣ, которые хотятъ открыть у него признаніе демократіи». Подобное рѣшительное мнѣніе во всякомъ случаѣ страдаетъ преувеличеніемъ. Дѣло въ томъ, что политическая часть ученія Маркса отличалась неопредѣленностью и неустойчивостью. Причина этого заключается прежде всего въ эклектическомъ характерѣ доктрины Маркса, при сея видимомъ монизмѣ. Эклектизмъ этотъ въ особенноти выступалъ въ практическихъ и программныхъ элементахъ марксизма. Въ изслѣдованіи объективнаго хода вещей, въ установленіи законовъ капиталистической экономіи и историческаго развитія обществъ Марксъ трактовалъ предметъ и разрѣшалъ вопросы съ повелительностью непререкаемаго авторитета и научнаго фанатизма. Но когда рѣчь шла о грядущемъ строѣ, о нормахъ должнаго, о практическихъ программахъ, Марксъ чувствовалъ себя не въ своей области, высказывался лишь обрывками и спорадически, какъ бы вынужденный къ этому, и формулировалъ свои мысли съ разсчитанною, быть можетъ, неопредѣленностью. Надо было не впадать въ кажущійся «утопизмъ». Надо было не черезчуръ явно давать рѣшенія, которыми, какъ напр. въ вопросѣ о будущемъ распредѣленіи, копировались лишь формулы предшественниковъ, которыхъ онъ такъ жестоко критиковалъ. А черпалъ онъ въ ученіяхъ и сенъ-симонизма, и фурьеризма, и бабунизма, и икарійскаго коммунизма, и Пеккера, и Луи-Блана, и Прудона, и овенизма, и даже нѣмецкихъ «истинныхъ социалистовъ». Иногда онъ дѣлалъ уступки той или другой изъ социалистическихъ школъ, изъ тактическихъ соображеній. Къ послѣднимъ относятся, быть можетъ, обрисовавшія имъ перспективы безгосударственности, отдаленныя и потому мало обязывавшія. Но большинство социалистическихъ школъ, предшествовавшихъ марксизму, въ эпоху ихъ зрѣлости неповѣдывали и деалъ демократическій. Антипарламентаристы, какъ коммунисты-иммедиатисты и «истинные социалисты» (Карль Грюнъ и Мозесъ Гессъ), не играли замѣтной роли въ социализмѣ. «Диктатура пролетаріата» была въ марксизмѣ экивокомъ, выросшимъ отчасти изъ извращенной бланкистской концепціи. Но она была экивокомъ въ меньшей степени въ 40-хъ годахъ, когда на европейскомъ материкѣ почти не было заслуживающей этого названія демократіи, и когда революція пролетаріата и ея господство могли считаться революціею и господствомъ большинства, а не меньшинства. Съ теченіемъ времени и Марксъ, и Энгельсъ — хотя и безъ достаточной опредѣленности и рѣшительности — все болѣе и болѣе высказывались за идеалъ демократическій. Но противорѣчія, конечно, оставались, связанныя съ эклекти-

ческой природою марксизма и съ характеромъ постановки въ немъ существенныхъ вопросовъ.

Особое мѣсто въ сборникѣ между статьями общаго характера и болѣе специальными работами занимаютъ статьи проф. А. И. Каминки, Къ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи, и проф. Ф. В. Тарновскаго, Монетскіе о Россіи. Болѣе специальный характеръ имѣютъ статьи проф. Д. Гримма, Проблема вещныхъ и личныхъ правъ въ древнеримскомъ правѣ и проф. В. Э. Нольде, Русское наследственное конфликтное право; конфликты между государственными.

Среди работъ специального характера въ сборникѣ обращаетъ на себя вниманіе въ особенности статья проф. А. А. Чупрова: она трактуетъ одинъ изъ вопросовъ теоріи вѣроятностей, а именно о математическомъ ожиданіи частнаго двухъ взаимно зависимыхъ случайныхъ перемѣнныхъ. Проф. А. А. Чупровъ принадлежитъ къ числу немногихъ русскихъ статистиковъ и обществовѣдовъ, имѣющихъ глубокія математическія познанія. Соціальныя дисциплины, въ которыхъ основную роль играютъ законъ большихъ чиселъ, какъ напр. статистика, теорія страхового дѣла, теорія игръ, отчасти экономика, сталкиваются съ математикою черезъ посредство теоріи вѣроятностей. Величайшіе математики съ любовью занимались этою наукою, одновременно входящею въ категоріи точнаго знанія и соціальной философіи; и нѣтъ сомнѣнія, что значеніе этой науки въ ея статистическихъ примѣненіяхъ — какъ въ области физическаго знанія (кинетическая теорія газовъ, астрономія, химія), такъ и въ области обществовѣдѣнія — будетъ расти. Одинъ изъ наиболѣе благотворныхъ принциповъ теоріи вѣроятностей, это — принципъ «математическаго ожиданія», примѣненіе котораго, въ трудахъ французскаго математика Пуассона, а у насъ Чебышева и А. А. Маркова, дало самыя замѣчательныя результаты. Къ вычисленію математическаго ожиданія приводитъ рядъ проблемъ статистики. Поставивъ задачу въ общемъ видѣ, А. А. Чупровъ, приступилъ къ ея рѣшенію въ указанной работѣ; не считая своей работы законченною, А. А. Чупровъ обѣщаетъ вернуться въ одномъ изъ дальнѣйшихъ томовъ «Трудовъ» къ еще болѣе общей постановкѣ проблемы, имѣющей существенное значеніе для рациональнаго обоснованія статистическихъ приемовъ научной работы.

Мы не исчерпали всего содержанія сборника. Пожелаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ нашимъ ученымъ на ихъ трудномъ пути и выскажемъ надежду, что ихъ грядущіе труды будутъ не менѣе интересны, чѣмъ тѣ, которые заключаетъ въ себѣ выпущенный первый сборникъ.

Дел - ский.